

Шэнцзин славился суровым климатом, и уже в глубокую осень здесь зарядили дожди вперемешку со снегом. Ледяная крупа, похожая на крупную соль, секла лицо, а пронизывающий ветер выл, не зная усталости, — холод пробирал до самых костей.

Шу Шиюнь простоял под галереей дворца Чжунгун почти час. Его округлившийся живот, бережно укрытый под тяжелым плащом, был надежно защищен от ветра, но сам он весь дрожал от холода. Когда сердобольные слуги украдкой предлагали ему теплую накидку, он лишь вежливо улыбался в ответ, не решаясь принять помощь: нельзя было давать той, что находилась внутри, лишнего повода для придирок.

Будучи Чжэнцзюнем Шестого вана Великой Ян, Хэ Цинцы, он был обязан соблюдать приличия.

Лишь спустя некоторое время двери дворца медленно отворились. Евнух на цыпочках выбежал наружу и звонко провозгласил:

— Императрица приглашает Чжэнцзюня войти.

Шу Шиюнь, придерживая тяжелый живот, поблагодарил его и последовал за евнухом. Миновав роскошную ширму из агата и нефрита, он опустился на колени перед скрытой за занавесями фигурой и произнес мягким голосом:

— Шу Шиюнь приветствует Ваше Величество.

За пологом на кушетке полулежала изящная женщина. Две служанки, стоя на коленях, разминали ей ноги, а еще трое замерли позади, опустив головы. Во дворце собрались все обитатели гарема: наложники и наложницы стояли по обе стороны, потупив взор и боясь даже громко вздохнуть.

Ответа не последовало. Шу Шиюнь почувствовал, как по спине потек холодный пот. Беременность протекала тяжело, и даже обычное стояние на ногах вызывало боль в пояснице, а стоять на коленях на ледяном полу было невыносимо. Дворец Императрицы, отличавшийся невероятной роскошью, был выстлан отполированными плитами из белого камня, добытого в далеких горах. Зимой такой пол был холодным, как лед, и твердым, словно сталь. Не прошло и нескольких минут, как Шу Шиюнь почувствовал, что стер колени в кровь.

Он понимал, что Императрица намеренно его унижает, и мольбы о пощаде лишь порадуют ее, но ради ребенка он был вынужден снова склониться в поклоне:

— Ваш слуга вновь приветствует Императрицу.

Женщина на кушетке медленно приоткрыла глаза. На ее губах играла холодная усмешка, а голос звучал притворно удивленно:

— У меня вошло в привычку вздремнуть после полудня, и я случайно заснула слишком крепко. Заставила Чжэнцзюня долго ждать.

Сказав это, она даже не подумала позволить ему подняться.

— Тревожить сон Вашего Величества — это моя вина, я в великом смятении, — Шу Шиюнь стиснул зубы. Его рука, опиравшаяся о пол, непроизвольно потянулась к животу под плащом, чтобы унять резкие, колющие боли.

Видя, что лоб Шу Шиюня покрылся испариной, а губы посинели, Ваньхуа-цзюнь не выдержал. Он шагнул вперед и холодно произнес, обращаясь к женщине на кушетке:

— Чжэнцзюнь носит ребенка уже более пяти месяцев, ему вредно так долго стоять на коленях. Прошу Ваше Величество, ради Шестого вана, проявить милосердие.

— О, если бы Ваньхуа-цзюнь не напомнил, я бы и забыла. Полгода назад Цинцы вернулся из Южных земель, чтобы поздравить отца с днем рождения, и провел в поместье некоторое время. Похоже, именно тогда в пылу страсти Чжэнцзюнь и понес, — Императрица неспешно постукала длинным ногтем по деревянному столику. — Вставай.

Шу Шиюнь трижды поклонился, благодаря за милость, и с трудом поднялся при поддержке служанки. Он бросил благодарный взгляд на Ваньхуа-цзюня, но тот лишь едва заметно покачал головой, призывая к молчанию.

Ваньхуа-цзюнь был самым ненавистным наложником императора. Бывший наставник наследного принца, он попал в гарем в наказание за дерзкий трактат, обличающий распутство правителя, и с тех пор претерпел немало унижений. Еще в Академии он высоко ценил Шестого вана Хэ Цинцы, а потому всегда старался защитить Шу Шиюня.

К этому моменту у Шу Шиюня закружилась голова, а ноги почти онемели. Служанка хотела помочь ему снять покрытый инеем плащ, но он вежливо отказался. Он и без того был слаб здоровьем и всегда мерз, а сейчас, даже в теплом дворце, чувствовал себя ледяной статуей.

В зале воцарилась тишина. Служанка, низко склонив голову, вошла внутрь, отодвинула золотистые занавеси и добавила благовоний в курильницу, после чего поспешно удалилась.

Едва аромат достиг его ноздрей, Шу Шиюнь прикрыл нос рукавом и едва заметно нахмурился. Запах был слишком густым и тяжелым, от него стало не по себе.

Заметив перемену в его лице, Императрица, не торопясь, с меланхоличным вздохом произнесла:

— Я видела, как рос Цинцы, и сердце мое сжимается от тревоги, ведь ему уже двадцать семь, а наследников все нет.

Ваньхуа-цзюнь бросил на нее косой взгляд, не скрывая раздражения:

— Что вы такое говорите, Ваше Величество? Разве Чжэнцзюнь не носит под сердцем кровь

императорской семьи?

— Кровь? — Императрица холодно рассмеялась. — В прошлый раз, когда Чжэнцзюнь был в расцвете лет, он не смог выносить ребенка и родил на седьмом месяце! А теперь ему тридцать четыре, здоровье уже не то. Имперские лекари говорят, что эта беременность крайне опасна, и неизвестно, удастся ли ему вообще родить!

Не только Шу Шиюнь, но и другие наложницы изменились в лице. Императрица открыто пренебрегала ребенком, а ее слова звучали как проклятие. Никто не понимал, что у нее на уме.

<http://bllate.org/book/19189/1884653>